

На правах рукописи

РЯБЫХ Екатерина Борисовна

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ
КОНЦЕПТОВ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале русского и немецкого языков)**

10.02.19 – теория языка

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов - 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Фесенко Тамара Александровна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Радченко Олег Анатольевич

– кандидат филологических наук, доцент
Попова Нина Семеновна

Ведущая организация – **Институт языкознания РАН**

Защита состоится «15» декабря 2006 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина» по адресу: 392622, г. Тамбов, ул. Советская, 93, аудитория 70.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

Автореферат разослан «12» ноября 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Безукладова И. Ю.

Реферируемая работа посвящена исследованию особенностей метафоризации концептов природных явлений в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах.

Метафора остается достаточно сложным и важным явлением в процессе познания мира. В контексте появления новых парадигм знания она начинает чаще рассматриваться как один из важнейших мыслительных механизмов человека, во многом определяющий его отношение с действительностью.

Актуальность данной диссертации заключается в том, что в ней исследуются когнитивные основы метафорического осмысления концептов природных явлений на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов с учетом их лингвокультурологической характеристики. Вместе с тем об актуальности нашего исследования свидетельствуют отсутствие работ комплексного характера по заявленной проблематике, а также привлечение современных переводческих концепций и данных психолингвистического эксперимента для детального изучения репрезентативных вариантов метафорического осмысления концептов природных явлений в структурах языкового сознания представителей русской и немецкой лингвокультур.

Объектом исследования являются вербализованные концепты природных явлений русской и немецкой лингвокультур в метафорическом осмыслении, репрезентируемые субстантивами *ОБЛАКО / ТУЧА (die WOLKE)*, *МЕСЯЦ / ЛУНА (der MOND)*, *СОЛНЦЕ (die SONNE)*, *ЗВЕЗДА (der STERN)*, *ВЕТЕР (der WIND)*, *СНЕГ (der SCHNEE)*, *ДОЖДЬ (der REGEN)*, *РАДУГА (der REGENBOGEN)*, *МОЛНИЯ (der BLITZ)*, *ГРОМ (der DONNER)*.

Предмет исследования – лингво-когнитивная специфика метафорического осмысления концептов природных явлений в поэтическом дискурсе немецкой и русской лингвокультур.

Цель работы заключается в изучении когнитивных и лингвокультурных особенностей метафоризации рассматриваемых концептов природных явлений в русском и немецком языковых сообществах на материале поэтического дискурса, а также специфики их переводных вариантов с учетом когнитивного и лингвокультурного подходов.

Цель диссертационного исследования обусловила постановку следующих **задач**:

1. Выявить и описать возможные способы метафоризации концептов природных явлений на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов.

2. Составить типологию концептуальных метафор в зависимости от вида области-источника. Установить степень продуктивности каждой из

выделенных метафорических моделей. Выявить свойства областей-источников и областей-мишеней, на основе общности которых осуществляется метафорический перенос, а также частотность употребления того или иного типа метафорической структуры.

3. Выявить особенности функционирования и взаимодействия концептов природных явлений, выраженных субстантивами *ОБЛАКО / ТУЧА (die WOLKE)*, *МЕСЯЦ / ЛУНА (der MOND)*, *СОЛНЦЕ (die SONNE)*, *ЗВЕЗДА (der STERN)*, *ВЕТЕР (der WIND)*, *СНЕГ (der SCHNEE)*, *ДОЖДЬ (der REGEN)*, *РАДУГА (der REGENBOGEN)*, *МОЛНИЯ (der BLITZ)*, *ГРОМ (der DONNER)*, в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах.

4. Установить способы и возможные варианты перевода метафоры в поэтическом дискурсе в рамках изучаемого нами практического материала с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, так как перевод метафоры способствует как выделению общего, так и обнаружению частного смысла при метафоризации концептов природных явлений в различных лингвокультурах.

5. Экспериментально обосновать специфику репрезентации концептуальных метафор в сознании носителей русского и немецкого языков, детерминированную их личным опытом и знаниями, где область-мишень представлена концептами природных явлений.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней:

- проведено комплексное изучение способов метафоризации концептов природных явлений на материале русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов с учетом когнитивного и лингвокультурного подходов;
- рассмотрены как монометафорическая, так и полиметафорическая модели, последняя из которых включает выявленные нами коррелятивную и инкорпорирующую модели;
- уточнен репертуар концептуальных метафор, функционирующих в русскоязычном и немецкоязычном поэтических дискурсах, где область-мишень представлена концептами природных явлений;
- метафоризация концептов природных явлений рассмотрена как на лексическом, так на фонетическом и грамматическом уровнях, а также с учетом графической метафоры, ибо все уровни поэтического дискурса являются средствами репрезентации его когнитивного содержания, что объясняется компрессией и интенсивностью поэтической речи;
- выявлена устойчивость / неустойчивость смыслового содержания концептов природных явлений в метафорическом осмыслении, а также структуры рассматриваемых метафор при трансляции из культуры-донора (ИК) в культуру-реципиент (КК);

- экспериментально осуществлена верификация специфики метафорического осмысления концептов природных явлений и их вариантов, закрепленных в практическом сознании носителей русского и немецкого языков.

Теоретической базой исследования послужили основные положения когнитивной лингвистики и литературоведческой науки, разрабатываемые в трудах зарубежных и отечественных ученых (М. Джонсон, З. Кёвечеш, Дж. Лакофф, М. Тернер, А. Н. Баранов, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, В. В. Петров, М. В. Тростников, И. В. Толочин, А. П. Чудинов, Е. Г. Эткинд и многие другие), а также работы лингвокультурологического направления (Н. А. Красавский, В. А. Маслова, В. Н. Телия и другие), исследования по теории (поэтического) текста и (поэтического) дискурса (Н. Ф. Алефиренко, М. Л. Гаспаров, В. И. Карасик, В. В. Красных, С. Б. Кураш, Ю. М. Лотман, В. Е. Чернявская и другие), исследования по переводоведению (В. Вилс, Е. А. Огнева, Ю. А. Сорокин, Т. А. Фесенко и другие).

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из русско- и немецкоязычных поэтических текстов XVIII-XX веков, а также их переводные варианты на немецком и русском языках общим объемом около 3500 развернутых примеров (более 22000 страниц). Необходимо отметить, что поэтические тексты не разделяются нами по эпохам, а рассматриваются как единый материал для репрезентации существующих метафорических моделей в сознании носителей указанных языков, так как при всей вариативности и динамичности той или иной языковой картины мира сегодня важно выделить определенную инвариантную основу, некие константы, обеспечивающие идентичность нации. Учет последовательности развития выявленных метафорических моделей в диахронии не является задачей данного диссертационного исследования, однако при текстовом анализе принимаются во внимание также мифологические и религиозные воззрения представителей рассматриваемых лингвокультур на природные явления.

Достоверность и обоснованность полученных результатов подкреплены теоретической базой, включающей в себя широкий круг работ по данной проблематике, комплексным использованием различных методов исследования, а также убедительно аргументированы собственными теоретическими рассуждениями и проиллюстрированы языковым материалом.

Методы исследования наряду с общенаучными методами синтеза и анализа включают также дефиниционный, этимологический, контекстно-ситуативный и концептуальный анализы, а также элементы статистического подсчета. Психолингвистический эксперимент позволяет верифицировать полученные результаты экспериментальным путем.

Гипотеза настоящего исследования заключается в следующем: особенность метафоризации концептов природных явлений в поэтическом дискурсе отражается в специфике их моделирования, проявляющейся в использовании как монометафорической, так и полиметафорической моделей, в последней из которых нами выделяются коррелятивная и инкорпорирующая модели, что обусловлено особенностью взаимоотношений области-мишени и области-источника.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Концептуальные метафоры, в которых области-мишени репрезентированы вербальными концептами природных явлений, основываются на личном опыте и знаниях носителей русского и немецкого языков, полученных в результате их взаимодействия с окружающими физическими предметами и другими людьми, наблюдений за феноменами живой и неживой природы. Выделенные концептуальные метафоры, формирующие образные составляющие концептов природных явлений, группируются в полиметафорические и монометафорические модели, а именно антропоморфную, зооморфную, фитоморфную, натуроморфную и артефактную (предметную). Артефактная (предметная) метафорическая модель является самым продуктивным способом концептуализации природных явлений и, соответственно, получает большую детализацию как на уровне коллективного, так и на уровне индивидуального сознания.

2. Полиметафорическая модель включает коррелятивную и инкорпорирующую модели, что обеспечивает как создание целостного объемного образа природного явления, так и уточнение представления о нем за счет привлечения различных областей-источников для его расширенной характеристики в рамках отдельно рассматриваемого стихотворного произведения.

3. Доминирующей из всех структурных типов в монометафорической и полиметафорической моделях оказывается субстантивная метафора. Это объясняется тем, что для представителей данных лингвокультур релевантным является весь «пакет» знаний об области-источнике, а не только характеризующие его признаки, свойства или действия.

4. Метафоризация концептов природных явлений осуществляется как на лексическом, так на фонетическом и грамматическом уровнях. Для репрезентации знаний о концептах природных явлений используется также графическая метафора, помогающая в ином ракурсе подходить к осмыслению концептов природных явлений в рамках поэтического дискурса.

5. Смысловые параллели метафорического осмысления концептов природных явлений в русском и немецком лингвокультурных сообществ

вах объясняются универсальным культурным фондом и энциклопедическими знаниями носителей этих языков, что проявляется при переводе. Для трансляции метафоры из культуры-донора в культуру-реципиент продуктивным является использование концептуального перевода, при котором переводу подвергаются не слова, а вербальные концепты.

6. Смысловое содержание концептуальных метафор на коллективном и индивидуальном уровнях сознания у представителей лингвокультурного сообщества во многом совпадает, что обеспечивается общим фондом знаний. Репрезентативные различия, обусловленные возрастной ступенью, разным уровнем теоретических и профессиональных знаний, а также индивидуальной творческой активностью и проявляемые, прежде всего, на индивидуальном уровне сознания, верифицируются экспериментальными данными.

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшем развитии теории метафоры, в частности в установлении способов метафоризации концептов природных явлений с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; дополняются теоретические представления о дискурсе, поскольку в диссертационном исследовании конкретизируются положения, касаемые метафоризации концептов природных явлений в рамках поэтического дискурса. Уточняется область применения концептуального перевода.

Практическая ценность данной работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, литературоведению, переводоведению, спецкурса по теории метафоры, а также на практических занятиях по русскому и немецкому языкам, при написании курсовых и дипломных работ, в лексикографической практике (при создании словарей метафор).

Апробация работы. Основные теоретические положения и практические результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (2003-2006 гг.), а также представлены на научных конференциях: международных («Языки и транснациональные проблемы» – Москва-Тамбов, 2004; «Филология и культура» – Тамбов, 2005), вузовских («Державинские чтения» – Тамбов, 2004). По теме диссертации опубликовано одиннадцать работ.

Структура диссертации. Настоящая работа состоит из Введения, трех Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка использованных словарей и справочной литературы, Списка источников фактического материала и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении определяется общее направление исследования, дается обоснование его актуальности, формулируются цели и задачи диссертации, ее основные проблемы, указываются материал и методы исследования, устанавливаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также приводятся сведения об апробации основных положений.

Первая глава «Онтология метафор и актуальные проблемы их изучения» посвящена обзору семантического (традиционного) и когнитивного подходов к исследованию метафоры. Здесь рассматриваются научные понятия «языковая картина мира», «концептуальная картина мира» и изучается роль метафоры в создании языковой картины мира; обосновывается обращение к понятию «дискурс», дается определение поэтического дискурса, описывается функционирование метафоры в рамках поэтического дискурса.

При изучении метафоры в лингвистических исследованиях в качестве базовых выделяются как превалирующие два подхода: семантический (традиционный), в рамках которого релевантной представляется концепция значения, и когнитивный, базирующийся на доминирующей роли «знания». Общность семантического и когнитивного подходов прослеживается в развитии положения о креативной функции метафоры, проявляющейся в том, что метафора организует и регулирует наше мировосприятие, «высвечивая» и подчеркивая одни черты, «затемняя» при этом другие.

Основой метафоризации является аналогия, ибо она – один из способов креативного мышления. В рамках проводимого исследования метафора интерпретируется нами как вербально-ментальный конструкт, обозначающий некоторый класс сущностей или явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, обусловленный сопоставлением двух сущностей, явлений на основании аналогии или сходства между ними, то есть нахождения их общих признаков.

Изучение метафоры не только как вербального, но и как ментально-конструкта, приводит к комплексному рассмотрению также концептуальной метафоры, под которой на основании существующих концепций нами понимается некая абстрактная модель (инвариант), реализующаяся каждый раз заново в результате ее «наполнения» определенными метафорическими выражениями (вариантами). Понятия «инвариант» / «вариант» релевантны в контексте нашей работы в связи с тем, что каждое конкретное метафорическое словоупотребление отражает только индивидуальные представления отдельного говорящего, однако в результате

анализа множества таких словоупотреблений появляется возможность выделить типовые коллективные концептуальные метафоры, отражающие специфику той или иной лингвокультуры.

Фрагмент языковой картины мира, репрезентирующий такие сложные ментальные структуры, как концепты природных явлений, исследуемые в настоящей работе, являет собой результат синтеза разных типов знаний индивидуального и коллективного происхождения. Поскольку концептуальная метафора синтезирует познавательные процессы и языковую компетенцию, эмпирический опыт и культурное наследие не только отдельного индивида, но и целого лингвокультурного сообщества, то в силу этого метафора интерпретируется нами как когнитивное и лингвокультурное образование, «сплав» ментальных, вербальных и культурных характеристик (индивида и сообщества).

Поэтический дискурс – это поэтический текст, «погруженный в культуру», порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных экстралингвистических факторов. Материал нашего исследования подтверждает, что в поэтическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же концептуальной метафоры, так как часто открываются либо новые характеристики метафорического осмысления концепта, либо «новые проекции» конвенциональных характеристик. Это указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: «концептуальную гибкость» и экспериенциальную основу (традицию) (Чудинов 2005).

В рамках поэтического дискурса распространенной является также взаимная сочетаемость (комбинаторика) метафорических моделей (схем связи между понятийными областями).

Все элементы и уровни (лексический, фонетический, грамматический) поэтического дискурса (или поэтического текста, «погруженного» в культуру) – это средства репрезентации его когнитивного содержания. Являясь составляющими одного текста и находясь в ассоциативных отношениях друг с другом, они обнаруживают аналогию в передаче когнитивного содержания стихотворного произведения. В этой связи релевантным представляется выделение грамматической, фонетической и графической метафор, общим для которых является то, что с их помощью человек познает окружающий его мир, в особенности ту лингвокультуру, которой он принадлежит, а также передает с помощью этих феноменов накопленный опыт.

Во второй главе «Метафорическая репрезентация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе» осуществляется описание выявленных способов метафоризации концептов природных явлений *ОБЛАКО / ТУЧА (die WOLKE)*, *МЕСЯЦ / ЛУНА (der MOND)*, *СОЛНЦЕ*

(*die SONNE*), ЗВЕЗДА (*der STERN*), ВЕТЕР (*der WIND*), СНЕГ (*der SCHNEE*), ДОЖДЬ (*der REGEN*), РАДУГА (*der REGENBOGEN*), МОЛНИЯ (*der BLITZ*), ГРОМ (*der DONNER*). В рамках поэтического дискурса нами рассматриваются как монометафорические, так и полиметафорические модели природных явлений, представляющие собой особым образом объединенные монометафорические модели. Монометафорические модели включают в себя несвязанные между собой метафорически осмысленные концепты природных явлений. Под метафорической моделью, вслед за А. П. Чудиновым, нами понимается существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными областями, которую можно представить определенной формулой: $X - \text{это} Y$. При этом отношения между компонентами формулы понимаются не как прямое отождествление, а как подобие: « X подобен Y ».

Обращение к изучению метафоризации концептов природных явлений на материале поэтического дискурса в **рамках монометафорической модели** показало: если взять за основу понятийную дифференциацию областей-источников метафорического моделирования, то можно выделить пять основных типов моделей, актуализируемых в рамках проводимого нами исследования: антропоморфную, зооморфную, фитоморфную, натуроморфную и артефактную (предметную) метафоры (ср. также: Н. А. Красавский 2001, 2002; М. В. Пименова 1999, 2004, 2005; А. П. Чудинов 2001, 2004, 2005 и т.д.). Данные модели являются концептуальными структурами более высокого порядка и детализируются в конкретных метафорических выражениях.

Анализ фактического материала позволяет заключить, что на разных этапах своего развития общество манифестирует различные «программы» взаимоотношений с природными явлениями, поэтому в языке зафиксировано как современное, так и «реликтовое», архетипичное понимание природных явлений.

Отмечается варьирование областей-источников, привлекаемых для метафоризации константных областей-мишеней, либо использование одинаковых областей-источников для метафорической «экспансии» в различные области-мишени в зависимости от лингвокультуры, в рамках которой происходит метафорическое осмысление рассматриваемых концептов природных явлений. Так, в русском языке СОЛНЦЕ концептуализируется в качестве ОТЦА. В немецкоязычном поэтическом дискурсе *die SONNE* 'СОЛНЦЕ' представляется МАТЕРЬЮ. Процесс метафоризации затрагивает отображение из области-источника СТРОЕНИЕ на содержание концептов природных явлений СОЛНЦЕ (*die SONNE*), РАДУГА (*der REGENBOGEN*), ОБЛАКО / ТУЧА (*die WOLKE*) следующих признаков: «тип строения» – ТЕРЕМ, ПАЛАТЫ, МОСТ, БАШНИ, РАЗВАЛИНЫ

(в русскоязычном поэтическом дискурсе) и *ДОМ, ХРАМ (СВЯТИЛИЩЕ), МОСТ, ЗАМОК, УКРЕПЛЕНИЕ* (в немецкоязычном поэтическом дискурсе). В русском языке в качестве *ПТИЦЫ* чаще осмысливаются *СОЛНЦЕ, ЛУНА / МЕСЯЦ, ОБЛАКО / ТУЧА*, в немецком – *der WIND 'ВЕТЕР', der STERN 'ЗВЕЗДА'*. В качестве *МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА (СВИРЕЛИ, ФЛЕЙТЫ, ДУДКИ, БАРАБАНА, БУБНА, ГУСЛЕЙ, РОЖКА)* в русскоязычном поэтическом дискурсе концептуализируются *ВЕТЕР, СОЛНЦЕ, ЛУНА*. В немецкоязычном поэтическом дискурсе как *ОРГАН, ТРОМБОН, ГОРН* метафорически осмысливается *der DONNER 'ТРОМ'*, в чем также проявляется национально-культурная специфика.

Самыми продуктивными метафорическими моделями, дополнительно структурирующими информационное содержание концептов природных явлений, являются антропоморфные и артефактные (предметные) концептуальные метафоры, что иллюстрируется следующей таблицей:

Таблица 1

Тип метафоры	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Антропоморфная	30%	34%
Зооморфная	20%	16%
Фитоморфная	6%	6%
Натурморфная	4%	5%
Артефактная (предметная)	40%	39%

Артефактная метафора, описывающая концепты природных явлений, охватывает несколько областей: постройки; домашняя утварь (осветительные приборы, церковная утварь и посуда); хозяйственный инвентарь; механизм; оружие (предназначенное не для охоты, а для битвы); музыкальные инструменты; средства передвижения; вместилище; поверхность (постилка, покрывало и т.д.); одежда; головной убор; украшения и драгоценные камни; металлы; материал; продукты питания, изготовленные человеком.

Постепенно на периферию уходит метафора *орудия труда*, связанная с разного рода хозяйственной деятельностью – *невод, сеть для ловли рыбы, соха, молот*. В русскоязычном поэтическом дискурсе происходит активизация языческих метафор, оттесненных на периферию (например, музыкальных метафор) в связи с отменой христианских запретов. Наиболее часто привлекаемыми областями-источниками для репрезентации концептов природных явлений представителями русской лингвокультуры являются также *осветительные приборы, оружие, украшения и драго-*

ценные камни. Для носителей немецкого языка характерны метафоры *строительных сооружений и оружия*.

Мы полагаем, что наибольшая продуктивность артефактной (предметной) метафорической модели в процессе репрезентации знаний о природных явлениях может быть объяснена релевантностью природной среды и явлений для жизнедеятельности человека, а также стремлением индивида к их детальному познанию.

Частотность употребления рассматриваемых метафорических моделей применительно к концептам природных явлений отражена в следующей таблице:

Таблица 2

Концепт	Частотность употребления метафорических моделей применительно к концептам природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе	Концепт	Частотность употребления метафорических моделей применительно к концептам природных явлений в немецкоязычном поэтическом дискурсе
ОБЛАКО / ТУЧА	13,5% 6%	<i>die WOLKE</i> 'ОБЛАКО / ТУЧА'	15%
СОЛНЦЕ	18,5 %	<i>die SONNE</i> 'СОЛНЦЕ'	26,4%
СНЕГ	15,6%	<i>der SCHNEE</i> 'СНЕГ'	4%
ВЕТЕР	12,3%	<i>der WIND</i> 'ВЕТЕР'	10,6%
ЛУНА / МЕСЯЦ	6,5% 5,5%	<i>der MOND</i> 'МЕСЯЦ'	11,6%
ЗВЕЗДА	9%	<i>der STERN</i> 'ЗВЕЗДА'	20,8%
ДОЖДЬ	5,1%	<i>der REGEN</i> 'ДОЖДЬ'	2%
ГРОМ	1,5%	<i>der DONNER</i> 'ГРОМ'	5,2%
МОЛНИЯ	5%	<i>der BLITZ</i> 'МОЛНИЯ'	3,4%
РАДУГА	1,5%	<i>der REGENBOGEN</i> 'РАДУГА'	1%

Свойства области-источника и области-мишени, на основе общности которых осуществляется метафорический перенос, отражены в таблице 3.

Таблица 3

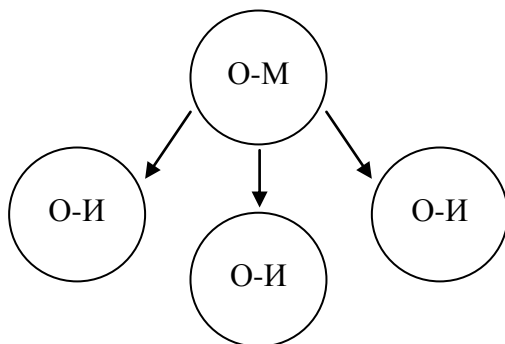
Свойства области-источника и области-мишени, определяющие метафорический перенос	Русскоязычный поэтический дискурс	Немецкоязычный поэтический дискурс
Звук	5,2%	7,2%
Цвет	14,8%	16%
Свет и интенсивность блеска	1,9%	1,2%
Форма	28,5%	28,8%
Размер	3,8%	4,2%
Динамичность	7,2%	7,6%
Количество	13,9%	10%
Функция	21,2%	20,3%
Температура	3%	4,2%
Реляция	0,5%	0,5%

Анализ выявил также следующее структурное превалирование рассматриваемых вербализованных метафор в русском и немецком языках: субстантивная метафора – 64% / 58%, глагольная метафора – 24% / 28%, адъективная метафора – 12% / 14%. Необходимо отметить более высокий индекс употребления развернутых метафорических дескрипций с вербально выраженным компонентом сравнения в русскоязычном поэтическом дискурсе.

Метафоры представляют собой вербализованные единицы, характеризующиеся наличием ассоциативного потенциала, который относится к когнитивным структурам человека. Полиметафорические модели подразделяются нами на **инкорпорирующую** (от позднелат. *incorporation* – включение в свой состав) и **коррелятивную** (от позднелат. *correlatio* – соотношение, взаимозависимость) **метафорические модели**, ибо концептуальные метафоры представителей рассматриваемых лингвокультур часто взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, образуя сложные системы.

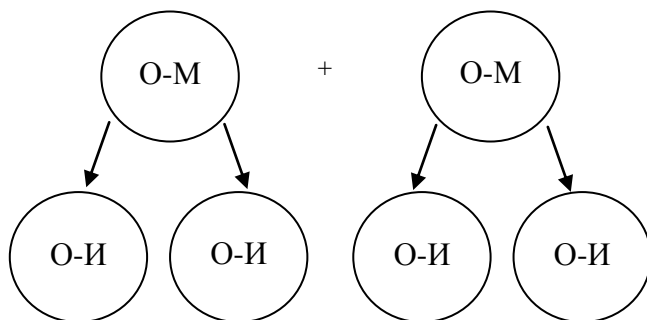
Инкорпорирующая модель трактуется нами как существующая и/или складывающаяся в сознании представителей той или иной лингвокультуры сложная схема связи между понятийными областями, репрезентируемая формулой: **X – это Y + Y1... + Yn**. Например: *Плыли по небу тучки. / Тучек – четыре штуки: // от первой до третьей – люди, / четвертая была верблюдик. // К ним, любопытством объятая, / по дороге пристала пятая, // от нее в небосинем лоне / разбежались за слоником слоник ...* (Маяковский. Тучкины штучки).

Инкорпорирующая метафорическая модель может быть представлена следующей схемой:

Под **коррелятивной метафорической моделью** нами понимается наличествующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя (и более) группами непосредственно соотносящихся между собой понятийных областей и представляющих собой связанный метафорический образ двух или более природных явлений, то есть $(X - \text{это } Y) + (X1 - \text{это } Y1) \dots + (Xn - \text{это } Yn)$. Например: *На ветке облака, как слива, / Златится спелая звезда* (Есенин. О, край дождей и непогоды), *Wie still ist's in der Welt, / Der Mond, der Sternenhirte / Auf klarem Himmelsfeld, / Treibt schon die Wolkenschafe / Zum Born des Lichtes hin* (Brentano. Säusle liebe Mirte) и т.д.

Коррелятивная метафорическая модель может репрезентироваться следующей схемой:

Простой расширенный метафорический образ природного явления является наиболее частотным в рамках **полиметафорической инкорпорирующей модели** и создается в результате детализации концептуальной метафоры, то есть он основан на объединении разных смысло-

вых признаков одной реалии, например: *Облака опять поставили / Паруса свои. / В зыбь небес свой бег направили / Белые дады. // Тихо, плавно, без усилия / В даль без берегов / Вышла дружная флотилия / Сказочных пловцов. // И, пленяясь теми сферами, / Смотрим мы с полей, / Как скользят рядами серыми / Кили кораблей* (Брюсов. Облака). Таким образом, определенная устойчивая концептуальная метафора (КОРАБЛЬ → ОБЛАКО) приобретает множество индивидуальных преломлений. Единство традиционного и индивидуального его преломления в конкретном тексте обуславливает функционирование устойчивых представлений, которые не столько воссоздаются, сколько создаются каждый раз заново в соответствии с задачами и потребностями текста, в разной мере отклоняясь от традиционного инварианта.

В примерах подобного рода метафора стремится распространить свое влияние на непосредственное словесное окружение, подчиняя себе относительно широкий контекст, что прослеживается в согласовании субстантивной метафоры с глагольной и адъективной.

Для вербализации знаний об определенной области-мишени в рамках инкорпорирующей модели привлекается также стилистическая метафора. Показателен следующий пример: *...И так однажды разозлясь, / что в страхе все поблекло, / в упор я крикнул солнцу: / «Слазь! / довольно шляться в пекло!» / Я крикнул солнцу: / «Дармоед! / занежен в облакаты, / а тут – не знай ни зим, ни лет, / сиди, рисуй плакаты!» / Я крикнул солнцу: / «Погоди! / послушай, златолобо, / чем так, / без дела заходить, / ко мне / на чай зашло бы!» / Что я наделал! / Я погиб! / Ко мне, / по доброй воле, / само, / раскинув луч-шаги, / шагает солнце в поле... / В окошки, / в двери, / в щель войдя, / валилась солнца масса, / ввалилось; / дух переведа, / заговорило басом... (Маяковский. Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче).*

Образ СОЛНЦА в данном стихотворении определяется стилистической принадлежностью составляющих его слов (*валилась солнца масса, ввалилось; дух переведа ...*), каждое из которых предполагает некоторый пласт фоновых знаний, при отсутствии последних семантика текста оказывается недекодируемой. Стиль, в котором выдержано данное стихотворение, можно обозначить как просторечный, обиходно-разговорный, соответственно и вырисовываемый образ солнца декодируется с учетом данного факта. В связи с этим солнце-дармоед, переводящее дух и говорящее басом, получает новое осмысление в рамках указанного стихотворения.

В поэтическом дискурсе возможно множественное метафорическое обозначение одной и той же реалии, что связано с ассоциативным мышлением. **Сложный расширенный метафорический образ** природного явления состоит из нескольких областей-источников, привлекаемых для

репрезентации одной области-мишени в рамках стихотворного текста, при этом возможны различные вариации комбинаций понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования. Каждая из привлекаемых областей-источников может детализироваться за счет дополнительных «штрихов». Так, для вербализации знаний об области-мишени *ЛУНА (МЕСЯЦ)* в качестве областей-источников привлекаются следующие субстантивы: *ЛАДЬЯ, ОРЕЛ, ПАСТУХ, ВОЖДЬ, ЦАРИЦА*: *Ладыя надоблачных зыбей, / Орел эфира среброкрылый, / Могущий вождь небесной силы, / Пастух бессмертный стад ночных, / Луна, царица звезд золотых, / Блеснула сквозь покров тумана* (Кюхельбекер. Зоровавель).

Полиметафорическая коррелятивная модель. Наш исследовательский материал показывает, что связанная структура концептуальных метафор, где в качестве области-мишени рассматриваются концепты природных явлений, часто используется как в русскоязычном, так и немецкоязычном поэтических дискурсах, при этом привлекаются различные комбинации понятийной дифференциации областей-источников метафорического моделирования. Это могут быть как однотипные зооморфно-зооморфные, фитоморфно-фитоморфные, антропоморфно-антропоморфные, так и разнотипные метафорические модели, где в качестве источника используются концепты, заимствованные из разнообразных понятийных областей, например, антропоморфно-артефактные, зооморфно-артефактные и т.д. Набор и количество концептуальных метафор в связке зависит, прежде всего, от индивидуальных предпочтений конкретного автора и от темы стихотворения: *Дождик мокрыми метлами чистит / Ивняковый помет по лугам. / Плюйся, ветер, охапками листьев, – / Я такой же, как ты, хулиган* (Есенин. Хулиган).

В приведенном примере реализуются две концептуальные метафоры: *ДВОРНИК* → *ДОЖДИК* и *ХУЛИГАН* → *ВЕТЕР*, в которых область-источник представлена их родовым концептом *ЧЕЛОВЕК*. Если метафора *ДВОРНИК* → *ДОЖДИК* позволяет говорящему актуализировать идею предсказуемости результатов действия данного природного явления, то метафора *ХУЛИГАН* → *ВЕТЕР*, напротив, высвечивает следствие неполной предсказуемости, неконтролируемости рассматриваемой стихии. Концептуальная метафора *ДВОРНИК* → *ДОЖДИК* репрезентирована в данном случае сочетанием прямого обозначения природного явления с глагольной метафорой, которую развивает именная метафора со значением орудия действия. Концептуальная метафора *ХУЛИГАН* → *ВЕТЕР* реализуется за счет использования глагольной и субстантивной метафорических конструкций. В подобных примерах отражаются причинно-следственные связи и закономерности, наблюдаемые в природе.

В основе стихотворения с несколькими концептуальными метафорами может лежать либо одна центральная (базовая) область-мишень и группа вспомогательных областей-мишеней (две, три и т.д.) с относящимися к ним областями-источниками, либо связка центральных областей-мишеней. В связке концептуальных метафор с центральными областями-мишенями невозможно выделить одну ведущую, здесь наличествует множество равноправных. Ср.: *Jetzt sitzt die Königin (die Sonne) auf ihrem Throne, / Die Silberwolke Teppich ihrem Fuß...* (Droste-Hülshoff. Die Lerche) или *Die Sonn' ist zwar die Königin der Erden, / Das sei hiermit höchstfeierlich erklärt! / Ich wäre ja von ihr beglänzt zu werden, / Verneint' ich dies, nicht eine Stunde wert. // Wer aber kann, wann sie im Strahlenwagen / Einher an blauer Himmelsstraße zieht, / Die Glorie in seinem Aug' ertragen, / Die ihre königliche Stirn umglüht? // Du, lieber Mond, bist schwächer zwar und kleiner, / Ein Kleid, nur recht und schlecht, bekleidet dich; / Allein du bist so mehr, wie Unserer, / Und dieses ist gerade recht für mich...* (Bürger. Auch ein Lied an den lieben Mond).

Инкорпорирующая модель может включаться в структуру поли-метафорической коррелятивной модели.

В данной главе диссертационного исследования нами прослеживается также **устойчивость концептуального наполнения и структурой формы метафоры** при трансляции из одной лингвокультуры в другую.

Как известно, перевод метафоры требует особых как когнитивных, так и вербальных усилий. Переводчик всегда стоит перед проблемой восприятия и переработки чужого «ментального содержания», поскольку в своем переводном тексте он не излагает собственной идеи, но лишь вербализует идеи, сформулированные автором оригинала. Не исключается, что переводчик, «проецируя» исходный текст (ИТ) в свое ментальное пространство, обнаруживает неидентичность или несоотнесенность собственных ментальных структур с теми параметрами, которые «заданы» ИТ. Для успешного осуществления перевода необходимо, чтобы автор оригинала и переводчик обладали общностью знаний об исходном языке, а также общностью знаний о мире в форме образов сознания в целом и о данной конкретной лингвокультуре в частности.

Материал подтверждает, что большую роль при переводе метафоры играет концептуальный перевод, основу которого составляет положение, что переводу подвергаются не вербальные единицы, а стоящие за ними концепты, тем самым уточняется сфера применения концептуального перевода. Процессуально концептуальный перевод реализуется в следующем режиме: переводчик к заданной вербальной единице в исходном языке исходного текста вызывает соответствующий ментальный образ (концепт), который, в свою очередь, репрезентируется вербальной единицей языка перевода (Фесенко 2002). Оптимальный перевод метафоры может иметь

место в том случае, когда содержание, вкладываемое автором исходного текста, хорошо согласуется с извлекаемой переводчиком информацией. Это достигается без затруднений, если одинаковые концептуальные метафоры наличествуют и имеют одинаковые номинации в обыденном сознании представителей рассматриваемых лингвокультур, например концептуальная метафора *ПАСТУХ, ПАСТЫРЬ (der HIRT) → МЕСЯЦ (der MOND)*.

Касательно устойчивости концептуального содержания, необходимо отметить, что она может быть полной или частичной. Кроме того, концептуальное наполнение может полностью не совпадать в культуре-доноре и культуре-реципиенте. С точки зрения структурной устойчивости метафора исходного языка (ИЯ) может переводиться эквивалентными, либо различными конструкциями языка перевода (ПЯ), транслироваться в культуру-реципиент не метафорическим выражением, а с помощью сравнения или перифраза или передаваться нейтральными языковыми единицами в ПЯ.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что **метафоризация концептов природных явлений** осуществляется помимо лексического, также **на фонетическом и грамматическом уровнях**. Для репрезентации знаний о концептах природных явлений используется и **графическая метафора**.

Основой **фонетической метафоры** служит эвфония. Фонетическая метафора возникает в том случае, когда эвфония становится образно нагруженной, когда звуковая организация текста:

- 1) играет доминирующую роль в создании образа;
- 2) создает дополнительный ряд образов, сочетающихся с образами, созданными лексическими средствами (Тростников 2000).

Показательным является следующий пример:

*Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.*

(Цветаева. В огромном городе моем – ночь ...)

Данное стихотворение одним своим фонетическим строем даже в отрыве от семантического наполнения текста рисует перед нами картину одиноко и тоскливо завывающего ветра путем повторения в последнем слове каждой строки (путь, чуть, дуть, грудь) буквосочетаний *уть*.

В стихотворении Г. Р. Державина «Гром» картина грозы изображается автором не только словами-красками, но и словами-звуками, при этом подчеркивается неравномерность раскатов грома во времени разбросом звука /р/. Кроме того, звук /р/ включает в круг ассоциаций нечто

грозное, зловещее, быстрое, то есть не выходит за рамки общего настроения, передаваемого смыслом фрагмента:

*В тяжелой колеснице грома
Гроза, на тьме воздушных крыл,
Как страшная гора несомая,
Жмет воздух под собой, – и пыль...
Ревут берега и воеет лес.
Средь тучных туч, раздранных с треском,
В тьме молнии багряным блеском
Чертят гремящих след колес...
Сверкнул, взревел, ударил гром;
И своды потряслись звездны;
Стократно отгласились бездны,
Гул восшумел, и дождь и град...*

Звук, приобретая значение, соотносимое со значением слова, в состав которого он входит, может вовлекаться в сложные ассоциативные связи со смыслом целого фрагмента:

*И как тихий дальний топот, за окном я слышу ропот,
Непонятный, странный шепот – шепот капель дождевых*

(Бальмонт. Грусть)

Так, звук /o/, соотносясь с семантикой тех слов, в которые он входит, передает динамику и интенсивность звука, производимого каплями дождя: вырисовывается картина едва капающего и что-то шепчущего дождя.

Наиболее распространенный прием создания **грамматической метафоры** – употребление разного рода несвойственных тому или иному языку конструкций, сложных синтаксических структур.

Приведем пример в качества доказательства вышесказанного:

*Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый
Своей трескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые Палаты
Ударил, как иглой.*

(Белый. Декабрь 1916 года)

Правомерно заключить, что метафорический образ молнии и наше осмысление данного природного явления создается в стихотворении не только лексическими, но и синтаксическими средствами. Сложная зигзагообразная синтаксическая структура (удаленность подлежащего и сказуемого, деепричастные обороты до и после подлежащего и др.) приведенного высказывания отображает невозможность быстро охватить и

воспринять данное природное явление – лишь внимательно прочитав фразу можно осознать, что же именно предстает перед нашими глазами.

Сложная синтаксическая структура характерна для репрезентации концепта *МОЛНИЯ*:

И на утес понесся дальний, / Змеясь, пучок огнистых стрел

(Белый. Гроза в горах)

В отрывке из стихотворения В. Брюсова «Зерно» хаотичное движение ветра, его неуправляемость, подчиненность лишь собственным законам отражается также в синтаксической структуре за счет удаленности подлежащего и сказуемого:

*... В открытом поле надо мною
Гуляет, волен и беспутен,
Январский ветер ледяной.*

(Брюсов. Зерно)

Динамичность же и порывистый характер ветра подчеркиваются концентрированностью сказуемых, их повтором, как в следующем примере:

*... а ветер ласкает, целует,
Целует меня без конца.*

(Белый. Шатаясь, склоняется колос)

Таким образом, пересечение лексического и синтаксического строя стихотворения позволяет говорить о «метафоричности» синтаксиса стихотворения, а также о наличии в приведенных примерах синтаксической метафоры и, соответственно, о расширении представлений о концептах природных явлений носителями русского и немецкого языков с помощью грамматической синтаксической метафоры, которая раскрывает их особым образом.

Графика играет большую роль в создании особой выразительности и помогает с иной стороны подходить к осмыслению концептов природных явлений в рамках поэтического дискурса. Так, в следующем примере, где графическая метафора образуется за счет образного переосмысления графемы, созданный образ ветра осмысливается как нечто хаотичное и изменчивое. Его направление трудно предугадать.

w w
d i
n n n
i d i d
w w

(Eugen Gomringer. Wind)

Разумеется, интерпретация фонетической, грамматической и графической метафор во многом зависит от эмоциональной подготовленности читателя и его настроения при восприятии стихотворного текста, от тезауруса общекультурного и лингвистического плана. Кроме того, при оценке звуковой стороны русского поэтического текста у носителей другого языка могут, например, возникнуть ассоциации, «воспитанные» системой их родного языка, а также присущими данной языковой общности культурными и социальными традициями (Любимова, Пинежанинова, Сомова 1996). Однако фонетическая, грамматическая и графическая метафоры, бесспорно, являются дополнительным средством метафоризации концептов природных явлений.

В третьей главе «Особенности метафоризации концептов природных явлений представителями русского и немецкого лингвокультурных сообществ» экспериментально верифицируется специфика метафоризации указанных концептов, то есть выделяются области-источники, привлекаемые для метафорической репрезентации концептов природных явлений, закрепленные в обыденном сознании носителей русского и немецкого языков.

Изучая концептуальные метафоры, выявленные в рамках русскоязычного и немецкоязычного поэтических дискурсов и зафиксированные на уровне коллективного сознания, а также сравнивая их с концептуальными метафорами, отмеченными при опросе представителей рассматриваемых лингвокультур, можно проследить, как «срабатывает» коллективное и что индивидуального привносится их обыденным сознанием. Мы придерживаемся гипотезы, что концептуальные метафоры, существующие на уровне коллективного сознания (в поэтическом дискурсе конкретного лингвокультурного сообщества), закреплены также на уровне индивидуального сознания у представителей данного лингвокультурного сообщества.

Частотность и степень продуктивности рассматриваемых антропоморфной, зооморфной, фитоморфной, натуроморфной и артефактной (предметной) метафорических моделей в структурах индивидуального сознания носителей русского и немецкого языков отражены в следующей таблице:

Таблица 4

Тип метафоры	Частотность и степень продуктивности рассматриваемых моделей в структуре индивидуального сознания носителей русского языка	Частотность и степень продуктивности рассматриваемых моделей в структуре индивидуального сознания носителей немецкого языка
Антропоморфная	12%	18%
Зооморфная	22%	15%
Фитоморфная	7%	8%
Натурморфная	4%	8%
Артефактная (предметная)	56%	51%

Приведенные данные доказывают, что в обыденном сознании представителей русского и немецкого лингвокультурных сообществ артефактная (предметная) метафорическая модель стоит на первом месте по показателям частотности и многообразию областей-источников, привлекаемых для метафорической «экспансии» в области-мишени, представленные концептами природных явлений. Продуктивность антропоморфной метафорической модели уменьшается, что, на наш взгляд, свидетельствует о произошедшей смене господствующей концептуальной метафоры на данном этапе развития общества и его ориентации на предметный мир.

Анализ свидетельствует о том, что наличествующий на уровне коллективного сознания (в поэтическом дискурсе) спектр областей-источников, проецируемых на области-мишени, репрезентированные концептами природных явлений, во многом совпадает со спектром областей-источников, зафиксированных на индивидуальном уровне сознания как в русском, так и в немецком языках (68,3% / 87,1%). Отмеченные в результате психолингвистического эксперимента с представителями русской и немецкой лингвокультур различия обусловлены возрастным критерием, разным уровнем теоретических и профессиональных знаний, а также индивидуальной творческой активностью.

Анализ ответов испытуемых подтверждает предположение о привлечении в качестве областей-источников для метафорической «экспансии» в области-мишени, представленные концептами природных явлений, наиболее релевантных и хорошо знакомых человеку артефактов, признаков материальных неодушевленных объектов, представителей фауны и флоры, а также наиболее характерные свойства и типичные физические действия людей. В немецком практическом сознании закреплены в большей степени регламентированные области-источники. В русском языке, напротив, присутствуют как регламентированные области-

источники, так и области-источники, основанные на интуиции, ассоциации, воображении.

В заключении подводятся итоги теоретического, практического и экспериментального исследований, намечаются направления продолжения работы.

Перспективными, на наш взгляд, могут в дальнейшем стать работы, выполненные в области интересов лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнологии и переводоведения, посвященные детальному изучению эволюции метафоризации концептов природных явлений не только в рамках поэтического, но и прозаического дискурса. В целом методика проведенного исследования может быть использована для изучения метафоризации других концептов в рамках поэтического дискурса, не подвергавшихся ранее анализу.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Рябых, Е. Б. Способы метафоризации концептов природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе / Е. Б. Рябых, Т. А. Фесенко // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2006. Вып. 2 (42). – С. 213-217.

2. Рябых, Е. Б. Специфика перевода как лингвокультурного трансфера / Е. Б. Рябых // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Мат-лы I Всеросс. науч.-практич. конф. Ч. III: Межкультурная коммуникация и современные лингвистические теории. – Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2003. – С. 67-70.

3. Рябых, Е. Б. Метафора как способ концептуализации мира / Е. Б. Рябых // IX Державинские чтения. Институт филологии. Факультет журналистики: Мат-лы науч. конф. преподавателей и аспирантов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – С. 203-204.

4. Рябых, Е. Б. Вербальная репрезентация метафорических образов сознания в контексте перевода / Е. Б. Рябых // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I Междунар. науч. конф. Т. II. – М; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – С. 285-290.

5. Рябых, Е. Б. Немецко-русские концептуальные трансферы в рамках межкультурной коммуникации / Е. Б. Рябых // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. – Иваново: Изд-во ИГХТУ, 2004. – С. 211-215.

6. Рябых, Е. Б. Специфика метафорических концептов в рамках перевода / Е. Б. Рябых // Мат-лы Всеросс. науч. конф. «Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики». – Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. – С. 236-239.

7. Рябых, Е. Б. Концептуальная метафора в контексте национальных концептосфер / Е. Б. Рябых // Язык. Миф. Этнокультура: диахронные и синхронные исследования: коллективная монография. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – С. 82-88.

8. Рябых, Е. Б. Специфика семантической метафоры в рамках межкультурной коммуникации / Е. Б. Рябых // Лингвистическая парадигма и лингводидактика: Мат-лы X Междунар. науч.-практич. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – Ч. 2. – С. 649-655.

9. Рябых, Е. Б. К вопросу о грамматической метафоре / Е. Б. Рябых // Филология и культура: Мат-лы V Междунар. науч. конф. 19-21 октября 2005 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 303-305.

10. Рябых, Е. Б. Концептуальная метафора в поэтическом дискурсе / Е. Б. Рябых // Реальность. Язык. Сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 427-429.

11. Рябых, Е. Б. Метафорическая концептуализация природных явлений в русскоязычном поэтическом дискурсе / Е. Б. Рябых // Лингвистическая парадигма и лингводидактика: Мат-лы XI Междунар. науч.-практич. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – С. 143-148.

Подписано в печать 7.11.2006 г. Формат 60×48/16. Объем 1,39 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 1171. Бесплатно. 392008, г. Тамбов, Советская, 190г.
Издательство Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.